

В. М. Истрин

**Хроника Георгия Амартола в
древнем славяно-русском
перевode**

**Том 3. Греческо-славянский и
славянско-греческий словари**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
В11

- В11 **В. М. Истрин**
Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе: Том 3. Греческо-славянский и славянско-греческий словари / В. М. Истрин – М.: Книга по Требованию, 2015. – 400 с.

ISBN 978-5-458-52432-2

Георгий Монах (Амартол — греч. «грешник») — византийский хронист 9-го века. Его «Хроника» («Χρονικον suntomon»), завершенная около 867 года, охватывает период от «сотворения мира» до 842 года. В описании событий 8-го века Г. А. сравнительно самостоятелен и опирается на устную традицию и житийные и полемические произведения. Интерес Г. А. прикован к богословским и церковно-историческим вопросам, характеристика событий дана с позиций ортодоксальной церкви. К народным движениям, в частности к восстанию Фомы Славянина, Г. А. относится враждебно. Для «Хроники» характерны бедный язык, ограниченность литературных средств, отсутствие критического отношения к источникам. «Хроника» Г. А. была весьма популярна в Византии и сохранилась в большом числе рукописей. Она была переведена в 10–11-х вв. на древний славяно-русский язык.

ISBN 978-5-458-52432-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ И ВРЕМЕНИ ПЕРЕВОДА ХРОНИКИ.

(Дополнение к 7-й главе II тома.)

I.

В 1921 г. вышел I том моей работы о Хронике Георгия Амартола, содержащий славянский текст Хроники, а в 1922 г. вышел II том, заключающий в себе «Исследование».

В 1923 г. профессор Братиславского (теперь Пражского) университета М. Вейнгарт напечатал 1-ю часть II тома своего исследования о Византийских Хрониках в церковнославянской литературе (M. Veingart. *Byzantské kroniky v literatuře církevněslovanské, Část II, Oddíl I, v Bratislavě*, 1923), где на стр. 61—142 помещено исследование о «Временнике» Георгия или о «болгарской» редакции Хроники, т. е. той, которая была предметом и моего исследования. Проф. Вейнгарту был известен только I том моего исследования, Введение которого дало ему некоторый материал для замечаний. По напечатании им 2-й части II тома, ему стало известно и мое «Исследование», которое дало ему материал для дополнительной критической главы (стр. 500—521). В 1925 г. в журнале «Slavia» (IV, стр. 446—460) Н. Н. Дурново напечатал на мое «Исследование» статью под заглавием: «К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола». В том же журнале «Slavia», в том же IV томе (стр. 461—484 и 657—683) П. А. Лавров напечатал обширную рецензию под заглавием: «Георгий Амартол в издании В. М. Истрина». Наконец, в том же журнале напечатал свою статью о Хронике В. Розов.

Таким образом, критика высказаться уже успела. Рецензенты останавливались почти исключительно на вопросе о месте и времени перевода Хроники. Это и понятно, так как вопрос этот имеет значение по отношению не только к Хронике Амартола и связанным с ней многим древнерусским памятникам, но и гораздо шире — по отношению вообще к определению места перевода целого ряда других церковнославянских памятников, а

также по отношению к определению выработки литературного языка в период X—XII вв., в частности — литературного языка древнерусского. Решение этих двух важных вопросов до сих пор представляет большие, а иногда прямо непреодолимые затруднения. Мнения моих рецензентов оказались довольно разнообразны. Мое основное положение состояло в том, что Хроника переведена на Руси, в Киеве, в конце первой половины XI века русским книжником, принадлежавшим к той переводческой школе, которая образовалась старанием князя Ярослава и была связана с прибытием в Киев греческого клира и с учреждением Киевской митрополии. Проф. Вейнгарт соглашается с тем, что перевод сделан, действительно, на Руси, но — не русским книжником, а болгаринном, одним из книжников, бежавших на Русь из Болгарии после падения Болгарского царства. Таким образом, перевод Хроники, по мнению Вейнгарта, возник в период от половины X в. до конца XI в. и принадлежит письменности староболгарской, так как для отнесения памятника к той или другой письменности имеет де значение не место появления его, а автор и язык его. П. А. Лавров высказал другой взгляд, хотя у него замечается как будто некоторая неопределенность. Он говорит, что «теперь... после того как мы знаем, что в конце IX века и начале X в. происходило передвижение книжных людей Великой Моравии на юг, на Балканский полуостров, и притом в разных направлениях, после того как мы знаем целый ряд текстов моравского происхождения, открывается возможность к допущению, что в пределах Болгарии или Византии славянские переводы могли быть сделаны с греческого языка не одними только южными славянами, но и выходцами с славянского запада, владевшими языком церковнославянской письменности» (стр. 464). Поэтому, он полагает, что «более правдоподобно (курсив мой), что (перевод), придя к нам с юга и подвергнувшись редакционной переработке, получил тот вид, в котором мы его знаем в дошедших до нас исключительно русских списках» (стр. 670—671). Он соглашается с тем, что труд русского редактора (не переводчика) скорее всего можно отнести ко времени оживления книжной деятельности при Ярославе. Среди привезенных греческих рукописей могла оказаться и греческая хроника, «и в таком случае не исключалась бы возможность, что при своем труде русский редактор мог иногда пользоваться и греческим текстом» (стр. 683); последнее мнение, как известно, высказал еще А. И. Соболевский. Но в заключение рецензии высказывается такое соображение: «Нельзя сомневаться и в том, что переводчик (очевидно, если согласиться с моим утверждением о русском переводчике, и если это не ошибка вместо «редактор») —

принадлежал к южнорусам. В словах, которые объясняются из русского языка, совпадения чаще приходится на долю малорусского словаря» (ibid.). Н. Н. Дурново, сказав в начале своей статьи, что я привел ряд убедительных доказательств в пользу того, «что перевод был сделан на Руси в XI в.» (стр. 446), в конце ее делает, однако, такое ограничение: . . . «мне представляется наиболее вероятным такое предположение, что русский переводчик работал над переводом Хроники в сотрудничестве с более опытными в этом деле переводчиками — южными славянами» (стр. 460). В «Введении в историю русского языка», вышедшем в Вгпо 1927 г., Н. Н. Дурново высказывается, однако, как-то двойственно. С одной стороны, считая болгарское происхождение перевода мало вероятным, он говорит, что перевод «сделан в Ю. Руси перусским славянином при самом незначительном участии р(усского) переводчика», с другой — он продолжает: «Не исключена возможность и того, что русские в середине XI в. получили из-за границы уже готовый перевод, и что руссизмы старшей известной нам редакции этого перевода принадлежат не участнику перевода, а р(усскому) редактору» (стр. 80).

Вопроса о происхождении «Временника» коснулся В. Розов в своей рецензии на книгу Вейнгарта, но высказал два противоположных взгляда. В первой части рецензии (Slavia, IV, 1925), возражая против мнения Вейнгарта о болгарском происхождении «Временника» и высказываясь за то, что на Руси в XI в. могли выполнить переводы Малалы и Амартола, что болгаризмы, приводимые Вейнгартom, не могут иметь доказательной силы, Розов заключал, что «вообще перевод, повидимому, сделан русским книжником, бегло владевшим церковнославянским языком русского извода» (стр. 367—368). Но во второй части своей рецензии, написанной после 2-й части II тома исследования Вейнгарта (где напечатана рецензия Вейнгарта на II том моей работы) и после статьи П. А. Лаврова, Розов, продолжая полемизировать против некоторых сделанных мне Вейнгартom возражений, заключает, однако, так: «И все же в основном Вейнгарт прав — перевод Хроники Амартола сделан болгаринoм. Это мне кажется достаточно доказанным и сохранением большого юса, и следами мены юсов, и другими болгаризмами, которые привел П. Лавров в (своей) статье. . . Извлеченный Лавровым материал также не говорит в пользу русской национальности переводчика. В нем видим ряд слов и словообразований, необычных для памятников русского происхождения» (Slavia, V, 364). Однако, Розов не соглашается ни переселять на Русь переводчика болгарина, как это делает Вейнгарт, ни признавать «убедительным и тот мате-

риал, на котором Лавров пытался обосновать моравское происхождение переводчика», и высказывается за наибольшую вероятность гипотезы Соболевского, что перевод сделан в Болгарии, именно в восточной, в Симеоновскую эпоху и затем исправлен на Руси по греческому оригиналу. «Исправление понадобилось вследствие неудовлетворительности перевода, которая сказывается и в исправленном виде» (стр. 365).

Таким образом, М. Вейнгарт и П. А. Лавров, расходясь в многом между собой, сходятся, однако, в одном, — в невозможности признать переводчиком Хроники русского книжника. При таком взгляде, все *русские* особенности дошедших до нас списков Хроники приходится объяснять исключительно, как позднейшие явления, внесенные в текст уже русскими редакторами и переписчиками. Лишь Н. Н. Дурново соглашается признать некоторые *руссизмы* явившимися уже в самом оригинале перевода, и приписать их *русскому* книжнику. Даже более: он считает возможным некоторые церковнославянские (т. е. болгарские) формы, как напр. неполногласные признавать формами позднейшими, заменившими собой первоначальные русские полногласные формы, что с полным основанием могли делать древнерусские книжники, начитанные в церковнославянских памятниках.

II.

Какие же основания у моих рецензентов отрицать *русское* происхождение перевода Хроники? Эти основания двойного рода: во-первых, — общего теоретического характера, а во-вторых, — фактического, т. е. особенности языка в фонетике, морфологии и лексике. Рецензенты признают, что, если принимать перевод Хроники *русским*, то его появление должно относиться, действительно, к половине XI века, но считают, что появление его именно в это время на Руси было бы совершенно невероятным. Так, Вейнгарт полагает, что известное сказание летописи о Ярославе, что он «собра писцѣ многы и прекладаше отъ грекъ на словѣньское письмо и списаша книги многы» — что это сказание надо понимать в том смысле, что здесь идет речь о книгах богослужебных. Развитие переводов византийских отцов церкви, а особенно византийской литературы, имело место лишь в XII в. Если греки и привезли с собой книги, то русское духовенство не было в состоянии их переводить по своей малограмотности, и единственными переводчиками в первые десятилетия XI в. могли быть только болгары (II, 2, стр. 514). П. А. Лавров не высказывается так резко о русских книжниках XI в., но, основываясь на том, что «словар-

ный запас перевода совпадает в значительной степени с запасом древнейших памятников не русского происхождения» (стр. 670), и что «такие слова могут проливать свет на ту среду, в которой появился перевод, и на время, когда он появился» (стр. 482), и что «в числе таких слов мы находим большое число таких, которые находились в книгах священного писания или же литургических» (ibid.), — основываясь на этом, а также на других данных, П. А. Лавров и полагает, что такой перевод не мог появиться на русской почве (стр. 670). Н. Н. Дурново, занявший, как мы видели, среднее положение, также скептически относится к способности русских книжников XI в. к самостоятельным переводам без посторонней помощи. «Если предположить — говорит он — что перевод сделан русским переводчиком в XI в., то придется допускать совершенно исключительную для того времени начитанность переводчика в южнославянской письменности, выразившуюся в свободном пользовании не только грамматическими формами, несвойственными русскому языку, но и огромным запасом южнославянских слов, среди которых много неизвестных или почти неизвестных его грамотным русским современникам. . . . Если принять предположение. . . , что перевод Хроники Георгия Амартола входит в целую серию переводов, предпринятых вел. кн. Ярославом, то необходимо допустить, что этого нового и трудного дела русские переводчики одни, без помощи опытных руководителей, и не могли выполнить» (стр. 460).

В рассматриваемом вопросе главное значение имеют, конечно, данные, извлекаемые из языка перевода, а по некоторым пунктам с данными языка тесно связывается и наше представление о литературной физиономии русского книжника XI в. Так как главная масса языкового материала дана в статье П. А. Лаврова, то я и буду исходить из нее, поставив, прежде всего, вопрос, насколько приведенный П. А. Лавровым материал дает основание отрицать *возможность* перевода Хроники русским книжником. Замечу предварительно, что, если предполагать возможность исправления русским редактором ранее принесенного с славянского юга славянского текста по греческому оригиналу, что склонен призвать П. А. Лавров, то это будет вместе с тем обязательством признавать за русским редактором хорошее знание греческого языка и такое же знание славянского литературного языка, что, в свою очередь, обязывает признавать за ним большую начитанность в тогдашней славянской письменности. Заметить неудовлетворительность перевода и исправлять его по оригиналу труднее, нежели просто перевести последний, так как первое требует гораздо боль-

ших познаний, чем при обычном переводе. Это обстоятельство надо иметь в виду в дальнейшем.

На стр. 657—670 П. А. Лавров извлек из Хроники большое число слов, которые «известны из древнейших списков книг Ветхого и Нового Завета, богослужебных и других памятников древнейшей славянской письменности» (стр. 657), что и дало ему основание (вместе с другими данными) отрицать перевод Хроники русским книжником. При этом, он совершенно правильно говорит, что Словари Миклошича и Срезневского, которыми единственно исследователи в настоящее время и принуждены пользоваться, являются далеко недостаточными, и заключения по наличности находящегося в них словарного материала не могут быть всегда правильны. Присутствие того или другого слова у Срезневского и его отсутствие у Миклошича не будут непременно говорить, что данное слово есть слово русское. Также и присутствие у Срезневского слов, взятых из русских памятников, но из писателей духовных или из примеров библейских или литургического употребления, не будут тоже говорить о принадлежности их русскому языку. Отсутствие же у Миклошича каких-либо слов южнославянского происхождения может объясняться тем, что словарный материал старых славянских памятников далеко еще не исчерпан (стр. 483). Эти положения совершенно правильные и — не новые. Еще в 1910 г. я в своей рецензии на книгу М. Р. Фасмера («Греко-славянские этюды», III) указывал на то, что в вопросе о проникновении греческих слов в языки церковнославянский и русский нельзя руководствоваться наличием или отсутствием их в том или другом Словаре — Миклошича или Срезневского (Журнал Министерства Народного Просвещения, 1910, № 2). Разумеется, это относилось ко всякому словарному материалу, как к заимствованному, так и к своему. Тем более я это имел в виду, когда при разборе словарного материала Хроники Георгия Амартола исходил из наличия его в обоих упомянутых Словарах, не придавая присутствию или отсутствию того или другого слова в том или другом Словаре окончательного и безусловного решения.

При рассмотрении слов на указанных выше страницах я буду исходить пока из мысли об единоличном русском переводчике, без участия в переводе славянских помощников, которых предположил Н. Н. Дурново. Эти слова могут быть подразделены на несколько групп. Во-первых, это слова, наличность которых в наших источниках не указывается пока из древнейших русских памятников, но относительно которых должно поставить вопрос, в состоянии ли был русский книжник XI века передать ими соответствующие слова греческого оригинала? Ответ, разумеется, должен быть

положительный, так как это все такие слова, которые были доступны всякому книжнику, знающему греческий язык, какой бы национальности он ни был. Слова и выражения этого рода следующие: 296, 14 «высырь врать» — ἐπέκεινα τῆς πύλης; 250, 24 «гонити житие» μεταδίδωκειν βίον; 169, 8 «злокозник» и 71, 22 «злохитрин» κακοτεχνία; 228, 26 «до зорь» μέχρι αὐγῆς, ср. 195, 11 «заря» αὐγῇ и у Иос. Флавия «пре^а зорами» (Вол. 105) = περί τὴν ἑωθινὴν φυλακὴν; 145, 10 «извлачатиса» ἐξ-έλκεσθαι; 92, 10 «издѣти моюкоу» εἰσπράττεσθαι τιμωρίαν, ср. 33, 3 «моука» τιμωρία; 105, 21 «лютоводити» δυσ-άγωγος; 49, 9 «многочловѣчна страна» πολυάνθρωπος ἡ χώρα и 454, 15 «многочловѣчна земля» πολυάνθρωπος ἡ γῆ; 560, 31 «па-ити» ἐπ-έλευσις; 251, 10 «не-помынити» и 106, 8 «не-въспоминати» ἀ-μνημονεύειν; 30, 9 «несловик» и 493, 20 «бесловик» ἀλογία; 206, 21 «Ѡселитиса» ἀποικίζεσθαι; 565, 7 «под-клонити» ὑπο-κλίνειν; 175, 3 «под-тврѣдик» ὑπο-στέριγμα; 351, 27 «потроудитиса кмоу до Костантина града» τοῦ σκυλῆσαι αὐτὸν ἕως Κωνσταντινουπόλεως; 327, 3 «присно-дѣвати» ἀει-πάρενος; 571, 22 «при-плакати» ἐπι-δαχρύειν; 505, 28 «глась прогласи» φωνὴ περιήχησε; 486, 18 «пръвыи съвѣтникъ» πρωτοσύμβολος; 555, 22 «прѣдидитиса» ὑπερ-θαυμάζειν; 110, 7 «прѣдидоватиса» ὑπερ-εκπλήττεσθαι; 324, 27 «прѣд-поставити» и 98, 5 «прѣди-поставити» παρ-ιστάναι; 322, 12 «прѣд-стольникъ» и 463, 4 «прѣд-прѣстольникъ» πρόεδρος; 357, 26 «прѣдповѣдати» προδελούν, ср. 473, 15 «заповѣдати» и 44, 10 «проповѣдати» δηλούν; 258, 15 «развратити слово божик» διαστρέφειν τὸν λόγον θεοῦ; 164, 22 «раздѣленик доуши и тѣлоу» μερισμός ψυχῆς καὶ σώματος; 497, 29 «разлоученик доуши Ѡ тѣла» χωρισμός ψυχῆς ἀπὸ σώματος; 269, 15 «соук-оумынь» (п 331, 6 «соуктомоудрыць») ματαιόφρων, ср. μάταιος «соукътънь» 150, 7 и ματαιότης «соукта» 364, 27; 66, 28 «съ-гласънь» σύμ-φωνος; 300, 18 «кръвь точити» αἰμορρηγύναι; 524, 29 «въ чьсти имѣти» διὰ τιμῆς ἔχειν, но переведено вполне согласно русскому употреблению; 179, 18 «чадоненавидьнь» μισότεχνος. — Приведенные слова и целые выражения настолько просты и обыкновенны, что могли появиться под пером любого русского книжника, знакомого с греческим языком. Если же допускать возможность исправления перевода по греческому оригиналу (чего, в действительности, однако, не было), то опять нет оснований отвергать существование в XI в. такого русского книжника, который был бы не в состоянии сделать самостоятельно перевод указанных слов и выражений. Но и помимо этого, приведенные П. А. Лавровым указания на те или другие памятники древнейшей церковнославянской письменности могут говорить только за то, что все такие слова были принадлежностью общего

церковнославянского литературного языка и, по своему происхождению, были словами общеславянскими. Поэтому, и приведенные чешские параллели, как напр. «възвестиса» — *vzvěstí, vzvednouti*; «възиматиса» — *vzjímatí, vznímatí, vzejmouti* и т. д., о которых будет идти речь дальше, — эти параллели указывают лишь на общность тогдашнего литературного языка, в свою очередь составившегося из элементов, общих всем славянским языкам тогдашнего времени. Это положение должно служить исходным пунктом для дальнейших соображений.

Вторую категорию слов из приведенных на стр. 657—670 составляют слова, которые, встречаясь в указываемых П. А. Лавровым церковнославянских памятниках болгарского и моравского происхождения, встречаются в то же время и в памятниках древнерусских. Все эти слова уже отмечены в Словаре Срезневского. Правда, в данном случае приходится иметь дело с русскими памятниками не только XI в., но и XII в. и даже отчасти XIII в., но это не имеет значения, так как литературный язык во все это время был один, разнообразясь лишь под пером отдельных книжников в зависимости от индивидуальности каждого из них. Слова эти следующие:¹ «беспрестани» для передачи разнообразных греческих — Илар. Слово о зак. и благ.: «да хвалимъ... хвалимаго отъ аѣтъгъ беспрестани», Поуч. Вл. Моном.: «Господи помилиу зовѣте беспрестани»; «бѣгунъ» (*δραπέτης, φυγάς*): Илар. Слово, Посл. Поликарпа, Кир. Тур.: «и страшливи и бѣгуни... бѣаху»; если бы даже это слово в русском языке стало употребляться под влиянием древнеславянской письменности, как склонен думать П. А. Лавров (хотя оснований для этого нет, так как это слово чисто русского образования), то это не имело бы значения: в языке древнерусского книжника оно было уже своим; «ближикъ»: Дог. Олега 912 г., Лавр. лет. 1186 г. (378, 20); «владычица» (*δέσποινα*): Жит. Феод., Нест. Жит. Бор. и Гл.; «властелинъ» и «властель» — у Срезневского приведено большое количество примеров из древнерусских памятников, как Илар., Нест. Жит. Бор. и Гл. и др.; «власть» (*ἀρχή*) в значении «страна»: Иаков. Жит. Бор. и Гл., хотя в памятниках обыкновенно «волость»; «войскъ» — обычное слово в русских памятниках; «врачѣба» — у Упыря Лих. в списках с 1047 г.; «възимати» и «възати» — в массе других памятников, как самые употребительные слова; сравнение частого сложения предлога «въз-» с таким же употреблением в чешском языке, на что требует обратить внимание П. А. Лавров, ничего нам не может дать в вопросе о про-

¹ Все примеры проверены.